
Не услышу
никогда
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ilena Odins

Не услышу никогда

«Автор»
2026

Odins I.

Не услышу никогда / I. Odins — «Автор», 2026

Эта книга — исповедь женщины, которая с детства привыкла молчать. О деревне, где она росла невидимкой. О доме, где за слёзы закрывали на крючок в сенях. О том, как память спасала, стирая страшное, — и как потом всё равно пришлось это вспомнить. Это не история с хэппи-эндом и не роман. Это попытка выговориться, чтобы река воспоминаний сменила русло — и на сухом берегу можно было наконец построить свой дом.

© Odins I., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ilena Odins
Не услышу никогда

Предисловие

Всё в твоей голове. Вся жизнь в твоей голове.

Моя голова оккупировала мой рассудок. Точнее, не голова, а мои воспоминания. Я задыхаюсь от них. В моей голове они крутятся и крутятся постоянно. Я всю свою жизнь молчала. И никто не учил меня говорить, а когда я пыталась — меня осаждали и заставляли чувствовать себя виноватой.

Я знаю, что многие люди прошли через ужасные, дикие вещи: через смерть близких, насилие, физические и моральные травмы, нищету, стихийные бедствия. Есть очень много проблем, которые я видела только по телевизору или слышала от знакомых, читала в интернете. И всё же я знаю это только извне. Я только мысленно могу представлять масштаб ужаса, который довелось преодолеть многим. И меня поражает, насколько сильными являются эти люди. Как они продолжают жить, радоваться и сохраняют способность любить. Я восхищаюсь ими. И теми, кто помогает им. Теми, кто умеет сохранить сострадание, эмпатию, а не погрязнуть только в своих проблемах.

Я, как и многие, была лишена привилегии получить любовь родителей, спокойный дом, тихую семью и безопасность. Теперь я понимаю, что, чтобы жить счастливо, нужно перестать зацикливаться на том, через что ты прошёл. Нужно перестать крутить в голове свои страшные воспоминания и страдать из-за них. Говорят, чтобы отпустить, нужно выговориться. Я никогда никому не рассказывала об этом. И мне некому рассказать.

Поэтому я прошу вас стать моими читателями. Я прошу прощения за то, что хочу показать вам. Это будет грязно, некрасиво и грустно. Это не история с хэппи-эндом и не роман с красивой романтикой. Вы не получите эмоции, которые обычно заставляют чему-то научиться или просто отдохнуть. Там будет моя жизнь.

Мне придётся снова оказаться на месте той маленькой девочки, что осталась одна. Девочки, которая стала единственной взрослой среди взрослых, которые не смогли нести свою ответственность. А вас прошу на время стать тем, кто послушает, как я жалуюсь на жизнь, как ябеда.

И может быть, река мыслей из воспоминаний сменит русло, а на месте старого останется сухой берег, где я смогу заново построить свой дом.

Предупреждение: текст содержит описание детской травмы и жестокого обращения. 18+

Глава 1

Я родилась в небольшой деревне. Назовём её деревней С. — указала, как делали раньше, в XVIII–XIX веке; сразу в голове всплыл отрывок из «Мёртвых душ».

Я была старшей дочерью, и есть ощущение, что с самого детства я была невидимкой. Мне говорили, что даже в три года я вела себя очень тихо, если меня просили об этом. Так же рассказывали мне, что я была очень открытой: могла спеть и станцевать по просьбе бабушек на лавочке. Слушала я это и удивлялась. Я ничего не помню о том, что я могла быть настолько открыта.

Впрочем, я не помню и того, что в этом же возрасте мой отец выставлял меня на улицу, когда я слишком долго плакала. Не прямо на улицу — в сени. Всё-таки на улице была зима, а он не настолько жесток. Мама говорила, что выставлял прямо в майке и трусиках, не давал ей забрать меня. Прямо на крючок закрывал двери, открывал только когда я переставала плакать.

Жуть какая. Повезло мне с моим мозгом. У меня память была отличной на то, что я учила, а вот таких вот моментов из жизни не помню. Значит, спасал.

Мама вышла замуж, потому что ей так сказали. У отца был настолько невыносимый характер, как рассказывала мне бабушка, что все решили: ему нужно жениться. Как будто это такой возраст. Ему было 23 года.

В соседней деревне жила моя мама. Все папины родственники решили, что она ему подойдёт. Она была послушной, работящей — для отца. С детства очень много работала и умела всё, что нужно хорошей хозяйке: стирала, убирала, готовила. На руках. Без стиральной машинки и прочих технических удобств, что существуют сейчас. Ей был 21 год, когда в их дом заслали сватов. Через год родилась я.

В жизни у мамы была только одна подруга, но она уехала жить в город. У мамы было четыре сестры. Три из них были старшими и уже замужем. Они жили в деревне «Н», что находилась за 15 километров от нашей. Сейчас я понимаю: они были друг у друга, помогали, общались, а она осталась одна. Доехать до этой деревни можно было за 15 минут на автобусе. Уехать утром и вечером вернуться обратно. Такой пустяк — можно видеться хоть каждый день. Но он не пускал её навещать их. Закатывал истерики, начинался скандал. Он обижался на неё, если она всё-таки делала по-своему и уезжала. А когда возвращалась, он с ней не разговаривал и вёл себя так, будто она его враг.

Обычно это заканчивалось скандалом, где он, конечно, выставлял себя жертвой, аргументы не слушал, убегал из дома и периодически грозился повеситься, потому что его не ценят. Всегда было только его мнение. Наше — неправильное. Были, конечно, исключения. Он мог слушать только тех, кого уважал. Если это, например, коллега, таксист, мама и отец, какой-нибудь посторонний человек, которому он может показать, какой он хороший.

Наше мнение для него никогда ничего не значило. Для него мама не знала, как делать правильно. Ну а мы были маленькими и не имели права вступать в спор с отцом. Если кто-то был не согласен, получал хорошего ремня, затем его ставили в угол, и стоять там нужно было, пока не согласишься с его мнением и не попросишь прощения.

Сначала мама пыталась отстаивать своё мнение, делала по-своему, но постепенно всё сходило на нет. Она так устала от скандалов, что просто старалась лишний раз не провоцировать его. Мы тоже. Жили, слушая его шаги, наблюдая за его лицом.

И вот мама начала гаснуть.

Я думаю, первый звоночек случился, когда она рассказала своим сёстрам о том, что ей снятся очень страшные сны. Я помню, как сидела рядом и слушала это.В тот момент родственники решили, что её нужно свозить к «бабке-ведунье». Снять испуг. Мне было девять, но уже

тогда я сидела и думала, что они несут чушь. Её свозили. Она вернулась домой с трёхлитровой банкой святой воды. Пила её неделю.

Я помню, как её спрашивали: всё ли хорошо? Прошли ли её сны? Она отвечала: мол, да, всё отлично, ничего нет.

Я думаю, в тот момент она поняла, что ей никто не поверит, и перестала кому-либо открываться.Она стала говорить всё меньше и меньше, начала говорить шёпотом и только из крайней необходимости. Она молчала, и никто не мог вытянуть ни слова, узнать, что произошло. Стала делать вид, что ест, но к еде не притрагивалась.

Проблема была в том, что мы всегда ели раздельно. Сначала кормили нас, ребятишек, мама могла поесть иногда с нами. Кстати, отец с нами не ел никогда. Вообще, если готовил не он, он демонстративно не притрагивался к еде. Он открывал крышку, долго смотрел на еду, морщился, качал головой и, закрывая крышку, уходил в другую комнату.

Поначалу мы, дети, прибегали к нему, трясли за руку, тянули за собой, звали: «Папа, поешь!»

Он качал головой, отворачивался, включал телевизор и говорил: «Не буду. Как-нибудь справлюсь».

Затем замолкал и больше не говорил ни слова. Мы бросали попытки уговорить его. Переживали, что он остаётся голодным, что ему плохо, как он будет жить, что с ним может что-то случиться. А он просто дожидался ночи и шёл есть один. Наутро в кастрюле ничего не оставалось.

Так и получилось, что мы были слишком маленькими, чтобы заметить, что мама не ест. А отец был слишком вредным, упрямым, чтобы сесть рядом и узнать, что мама не прикасается к еде.

Мы поняли, когда она похудела. Я стала обращать внимание на то, что она только делает вид, что будет есть, но еда в тарелке оставалась нетронутой. Теперь мы уговаривали маму. И тут тоже потерпели провал. Она молчала, не ела и была непреклонна.

И вот через несколько месяцев она заговорила...

В тот день я сидела с ней в комнате. Она задрала штанину. Оголились её худые, бледные ноги, покрытые толстыми, упругими венами. Она показала на голень, на колено, затем сказала:

«Они за мной следят. Здесь и здесь жучки. Меня хотят убить».

Мне было девять лет. Сначала я замерла в испуге, пытаясь понять, кто за ней следит. Почему мою маму хотят убить. Мне стало очень страшно. Я посмотрела на неё и тихо спросила:

«Мама, кто? Кто хочет тебя убить?»

Она сказала:«Они».

Назвать кого-то конкретно она не смогла.

Я опустила взгляд на её ногу, и в моей голове пронеслись мысли: «Мы в деревне. У нас ничего нет. С нас нельзя ничего взять. Мама не может являться каким-нибудь спецагентом, нет такой причины, чтобы установить жучки».

Потом я нахмурилась, глядя на ногу, и в голове пронеслись картинки: как кровь течёт по венам, как выглядит кость. И я, подняв на неё голову, сказала:

«Мама, это невозможно. Мама, там ничего нет».Она не слышала меня.

Она говорила, что я ничего не понимаю, что за ней следят, каждый день проезжают машины, ей нельзя выйти на улицу. Это услышал отец. Он начал с ней спорить, и всё закончилось скандалом и тем, что он, как всегда, ушёл из дома, хлопнув дверью.

Не знаю, как так получалось, но он всегда выворачивал так, что мы его обвиняем, когда он ни в чём не виноват. Он говорил возмущённо, открывая рот, прижимая руку к груди:

«Ах! Как? Я плохой? Значит, я у вас херовый? Да пошли вы все. Лучше сдохнуть, чем так жить. Мне уйти? Мне уйти? Всё!»

Он всегда уходил к своей матери. Там он жаловался ей, успокаивался. Не знаю, о чём они говорили, но возвращался он молча. Потом нужно было подойти, попросить прощения, и тогда он уже делал вид, что смилостивился над нами. И так теперь начиналось каждый день. Мама говорит, что за ней следят, её хотят убить. Папа кричит на неё, грозится повеситься, уходит из дома. Возвращается поздно ночью, когда все спят.

Теперь я плакала каждую ночь. Я помню, как с силой прижимала подушку к лицу, чтобы не издать ни звука. Когда очень долго плачешь, начинаются уже судорожные всхлипы. Чтобы никто не услышал, я прижимала ладонь ко рту с такой силой, что начинал болеть нос, потому что я сминала его в процессе. Интересно, почему он не искривился. Хах, я читала, что такое возможно. Ладно, здесь Бог меня пощадил.

Кстати, о Боге. С ним у меня отдельная история. Про него мне рассказала мама — до того, как она заболела. И это была ниточка, за которую я держалась.

Я помню, мы стояли на улице за оградой. Ждали, когда вернётся корова с пастбища. Я дёргала ветку дерева ирги и крутилась, бегая вокруг мамы. Я спросила маму, что такое Бог. Она рассказала, что существует рай и ад. Сказала, что в аду вечные муки, и тот, кто будет грешить, будет вариться в котле с горячей водой вечно.Я спросила её, верит ли она в это, и она сказала, что да. Тогда и я решила, что буду верить. Или делала вид. Но я помню, как молилась. Молилась о том, чтобы он забрал у мамы эти голоса в голове. Я мысленно обращалась к нему и говорила, что выдержу.

Это происходило ночью. Я представляла в эти моменты, как слышу чей-то мужской голос в голове, который утверждает, что хочет меня убить. Как я слышу, но никого не вижу, и мне становилось дико страшно. Я укрывалась одеялом, тяжело дышала, не хватало воздуха. Затем через силу выбиралась из одеяла, открывала глаза, смотрела в темноту и сквозь страх обещала Богу, что готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.